

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ,

рассказывающая о том, как из разговора с матерью наследник престола узнал, где правда и где ложь, и как Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе, проникнув в тайну, установили, где истина и где обман

О следствиях и о причинах вел

Он разговор почтительный с Владыкой

И сходство их беседы он нашел

С беседой Будд в премудрости великой.

Ее запомнив, он благоговел

Пред Буддою, сошедшим для спасенья,

И духов злых обуздывать умел

Могуществом святого дерзновенья.

Но, если хочешь истину узнать

О подлинной природе властелина,

Сперва узнай — в свой час какая мать

Должна была родить такого сына

Пусть мир иной еще не предстает,

И пусть не предаемся мы виденьям.

Но мы идем, и каждый шаг вперед

Возводит к совершенству по ступеням.

Итак, расставшись с Великим Мудрецом, принц очень скоро прискакал в город. Он, как и было условлено, миновал главный вход во дворец и направил коня к задним воротам. Здесь в охране стояло несколько евнухов, которые, узнав принца, не решились его задержать.

Пришпорив коня, принц влетел во двор. В одной из беседок он увидел свою мать-государыню, которая сидела, облокотившись на перила, и горько плакала. Придворные дамы обмахивали ее опахалами. Вы, вероятно, спросите, чем были вызваны ее слезы. В четвертую ночную стражу императрице приснился сон. Половину его она забыла, и вот теперь это очень удручало ее. Подъехав к беседке, принц спешил и опустился перед матерью на колени.

— Мама! — позвал он.

— Сынок! — воскликнула государыня, не скрывая своей радости. — Какое счастье! Последнее

время ты так был занят беседами с отцом, что у тебя даже не оставалось времени повидаться со мной. Я очень скучала! Как же это тебе сегодня удалось улучшить минутку и прийти ко мне? Какую огромную радость ты доставил мне своим приходом! Но почему ты так печален, сын мой? — спросила она. — Твой отец уже не молод и наступит день, когда дракон должен будет вернуться в бирюзовое море, а феникс улететь в небеса. Ты займешь императорский трон; о чем же тебе печалиться?

— Мама, — молвил тогда принц, земно кланяясь. — Скажи мне, кто сидит сейчас на троне?

— Да ты что, сын мой, с ума сошел? — изумилась мать. — О чем ты говоришь? На троне сидит твой отец!

— Дорогая мама, — продолжал принц. — Умоляю тебя, не сердись за то, что я задам тебе один вопрос. Если ты не обещаешь простить меня, я не осмелюсь спрашивать.

— Что же плохого в том, что сын обращается с вопросом к матери, — удивилась государыня. — Не стесняйся и говори скорее.

— Дорогая мама, — произнес наследник, — скажи, пожалуйста, какие у тебя отношения с твоим мужем? Не изменились ли они за три последние года?

При этих словах у императрицы от страха душа ушла в пятки. Она поспешно вышла из беседки и, крепко прижав сына к груди, залилась слезами.

— Сынок мой! — воскликнула она. — Мы так давно не виделись! Что же заставило тебя сегодня приехать сюда и спрашивать об этом?

— Ну, вот что, мама, — рассердился принц, — если хочешь мне что-нибудь сказать, — говори. Если же будешь молчать, ты можешь повредить очень важному делу.

Тут государыня приказала придворным дамам удалиться и сквозь слезы проговорила:

— Если бы ты, сынок, не спросил меня об этом, я, может быть, ничего не поняла бы, даже попав в преисподнюю. А теперь слушай, я скажу тебе всю правду:

Три года назад теплоту я знавала и ласки,

Последних три года я видела холод и лед,

Когда же на ложе об этом его вопрошаю.

«Я стар!» — Отвечает, былую любовь предает.

Услышав это, принц освободился из объятий матери и бросился к коню. Но мать удержала его.

— Сын мой, — сказала она, — что случилось? Я еще не все сказала тебе, а ты хочешь уезжать.

— Мама, — молвил тогда наследник, снова опускаясь на колени, — я не решался сказать тебе этого. Но сегодня утром по повелению государя я с соколами и собаками отправился за город на охоту. По дороге мне повстречался святой монах, который идет из Китая на Запад за священными книгами. Его старший ученик, по имени Сунь У-кун, обладает волшебной силой и может усмирять злых духов. От него-то я и узнал, что мой отец погиб в хрустальном колодце императорского сада, а даос, который жил у нас, принял его облик и захватил трон. Сегодня в третью стражу мой отец явился во сне этому монаху и просил его уничтожить злого духа. Не смея поверить ему, я решился спросить тебя об этом. И вот теперь, когда ты обо всем мне рассказала, я понял, что на троне действительно сидит злой дух.

— Сынок мой, — молвила мать, — как мог ты поверить чужим людям?

— Да я бы не поверил, если бы отец не оставил ему одну вещь, — отвечал принц.

С этими словами принц достал из рукава жезл из белого нефрита с золотым ободом и передал его матери. Взглянув на жезл, императрица залилась горячими слезами.

— О властелин мой! Почему же ты сразу не пришел ко мне, а вначале явился к монаху?

— О чем это ты говоришь, я не совсем понимаю, — удивился наследник.

— Сын мой, — сказала тогда императрица, — сегодня в четвертую ночную стражу, во сне мне явился мой муж. Он пришел совершенно мокрый, с его одежды ручьями лилась вода, и сказал, что невинно загублен злодеем. Этой же ночью его бесприютный дух явился к Танскому монаху с просьбой покарать злодея и спасти его от прежнего перерождения. Вот все, что я помню. Остальное совершенно забыла. И вот перед твоим приходом я как раз об этом думала. Откуда могла я знать, что сегодня услышу эту же историю из твоих уст, да еще ты привезешь мне жезл из белого нефрита. Отправляйся-ка скорее к святому монаху, пусть расправится со злым волшебником. Справедливость должна восторжествовать. Совершив это доброе дело, мы отплатим отцу за все его заботы.

Принц, не мешкая, вскочил на коня и выехал из дворца через задние ворота. Поистине можно сказать:

Матери-царице,

Сдерживая слезы,

Поклонился он.

Пред монахом Танским,

Сдерживая горе,

Положил поклон.

Вскоре он очутился у ворот монастыря Баолинъ и, поддерживаемый воинами, спешил. В это время солнце уже клонилось к западу. Принц приказал отряду оставаться на месте, а сам вошел в монастырь, поправил на себе одежду и попросил вызвать Сунь У-куна. Но в этот момент Царь обезьян степенно вышел из главного храма.

— Я вернулся, учитель, — произнес принц, опускаясь на колени.

— Встаньте, — сказал Сунь У-кун, подходя к нему и поднимая с колен, — С кем вы разговаривали в городе?

— С матерью, — отвечал принц. И он подробно передал весь разговор.

— Ну, раз он холоден как лед, — с усмешкой сказал Сунь У-кун, — значит превращен из какого-нибудь очень холодного вещества. Но это неважно! Я все равно расправлюсь с ним. Сегодня уже поздно, так что возвращайтесь пока в город без меня, а я приеду завтра.

— Учитель, — снова опустившись на колени, молвил принц. — Я лучше останусь прислуживать вам здесь и поеду в город завтра вместе с вами.

— Нет, так не годится! — отвечал Сунь У-кун. — Если мы появимся вместе, у волшебника возникнут подозрения. Он не поверит тому, что мы встретились случайно, а подумает, что я прибыл по вашему приглашению, и мы напрасно навлечем его гнев на вас.

— Он все равно будет сердиться, если даже я приеду сегодня.

— Это почему же? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Я отправился на охоту с утра, — сказал принц, — захватил с собой большой отряд охотников с соколами и собаками и за весь день мы не подстрелили ни одной птицы. Как же я предстану перед правителем? Он обвинит меня в том, что я ни на что не годен, и бросит в тюрьму. И завтра, когда вы прибудете в город, вам никто не поможет. Среди придворных у вас тоже не будет ни одного своего человека.

— Какие пустяки! — отвечал Сунь У-кун. — Если бы вы раньше сказали мне об этом, вам не пришлось бы охотиться. Звери сами шли бы к вам в руки.

И вы взгляните только, какое искусство показал наш прекрасный Великий Мудрец перед принцем! Подтянувшись, он совершил прыжок и сразу очутился на облаке. Здесь он произнес заклинание, и перед ним тотчас же предстали духи гор и земли и, почтительно приветствуя

его, спросили:

— Что прикажете, Великий Мудрец?

— Я сопровождаю Танского монаха в его паломничестве на Запад, — сказал Сунь У-кун. — Придя в эти места, мы узнали, что тут завелся злой дух. Вот я и хочу расправиться с ним. Посоветуйте, что делать? Наследник отправился на охоту, но не подстрелил ни одной птицы и теперь не осмеливается возвратиться во дворец. Вот я и решил обратиться к вам с просьбой: пожалейте его и найдите, пожалуйста, сайгу, кабанов, оленей, зайцев и других зверей и дичь.

Не осмеливаясь нарушить приказ, духи только спросили:

— А сколько надо?

— Да это неважно, — отвечал Великий Мудрец.

Духи тотчас же подняли на ноги свои волшебные войска, вызвали ветер и вмиг наловили фазанов, горных куропаток, оленей, сайгу, лисиц, барсуков, тигров — всего несколько тысяч, и все это преподнесли Сунь У-куну.

— На что они мне? — сказал Сунь У-кун. — Вы вытяните у них жилы и расставьте по обеим сторонам дороги до самого города: пусть охотники выловят их и спокойно возвратятся во дворец. Заслуга в этом деле будет полностью принадлежать вам.

Духи тотчас же прекратили ветер и сделали так, как велел им Сунь У-кун. После этого Великий Мудрец спустился на облаке вниз.

— Ваше высочество, — сказал он. — Вы можете спокойно отправляться во дворец. По дороге вы найдете все, что вам нужно, и вернетесь не с пустыми руками.

Принц не мог не поверить, так как собственными глазами видел, какой волшебной силой обладает Сунь У-кун. Поклонившись ему на прощанье, принц вышел из монастыря и приказал отряду скакать в город. По дороге они действительно нашли несметное количество зверей и дичи и, не прибегая к помощи соколов и собак, начали ловить добычу, громко выражая восторг и приписывая все это счастливой звезде наследника. Они и понятия не имели о волшебной силе Сунь У-куна. Весело, с победными песнями вернулись они в город.

Сунь У-кун тем временем неотлучно находился возле Трипитаки, а монахи, видя, с каким вниманием гости отнеслись к принцу, прониклись к ним чувством глубокого уважения. Они приготовили трапезу, всячески старались услужить Трипитаке и в конце концов, как и накануне, предложили им устроиться на ночь в главном храме. Уже наступила первая ночная стража, а Сунь У-кун все не мог уснуть: тревожные думы одолевали его. Наконец он не выдержал, вскочил и подошел к постели Трипитаки.

— Учитель! — позвал он.

Трипитака еще не спал, однако, зная беспокойный нрав Сунь У-куна, притворился спящим и ничего не ответил. Тогда Сунь У-кун стал трясти его.

— Учитель, вы спите?

— Что за несносное создание! — рассердился Трипитака, — Ни днем, ни ночью нет от тебя покоя. Ну что ты расшумелся?

— Мне хотелось бы посоветоваться с вами об одном деле, учитель.

— Какое еще дело, говори.

— Днем, разговаривая с принцем, я немного прихвастнул, — признался Сунь У-кун. — Я сказал ему, что моя сила огромна, что она выше гор и глубже моря и уничтожить злого духа для меня все равно, что достать какую-нибудь вещь из кармана, стоит лишь протянуть руку. Вот об этом я сейчас и думаю.

— Что же, если дело это тебе не под силу, не берись за него, — сказал Трипитака.

— Выловить его, конечно, надо, — сказал Сунь У-кун. — Как бы только не преступить закона.

— Эта обезьяна, видно, совсем запуталась! — изумился Трипитака. — Волшебник захватил императорский трон, почему же расправа с ним может оказаться делом незаконным?

— Вы, монахи, только и знаете, что читать псалмы, поклоняться Будде да предаваться самосозерцанию, — произнес Сунь У-кун. — А законов, составленных Сяо Хэ, наверное и в глаза не видели. Недаром говорят: «Не пойман — не вор». Ведь этот волшебник вот уже три года как управляет страной, и за все это время ничем не выдал себя. Он спит с императрицей, проводит все свое время в кругу сановников и веселится вместе с ними. Предположим, я захвачу его, а вот обвинения мы не сможем ему предъявить.

— Почему же это? — удивился Трипитака.

— А очень просто, потому что он невинен, как тыква-горлянка без горлышка, — ответил Сунь У-кун, — и может свободно поспорить с вами, точно так же, как свободно перекачивается тыква. Он скажет: «Я правитель государства Уцзиго, какое же ты имеешь право хватать меня? Это беззаконие». А мы что скажем ему на это? Какие у нас доказательства?

— Что же ты предлагаешь делать? — спросил Трипитака.

— Я уже все хорошо обдумал, — отвечал улыбаясь Сунь У-кун. — Мне мешаете только вы, вернее, ваша склонность прикрывать недостатки других.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился Трипитака.

— Вот, например, вы питаете симпатию к такой дубине, как Чжу Ба-цзе, — сказал Сунь У-кун.

— Почему ты так думаешь? — недоумевал Трипитака.

— Ну, а если я ошибаюсь, — сказал Сунь У-кун, — тогда вам придется набраться храбрости и остаться здесь с одним Ша-сэном. Мы же с Чжу Ба-цзе предварительно побываем в городе, разыщем императорский сад, откроем хрустальный колодец, вытащим труп императора и завернем его во что-нибудь. А завтра, когда мы приедем в город, перед тем как обратиться за дорожными свидетельствами, я возьму свой посох и стану бить волшебника. Если же он вздумает возражать, мы покажем ему труп и скажем: «Вот тот, кого ты убил!» Затем мы позовем наследника, который будет оплакивать своего отца; из покоев выйдет императрица — она тоже опознает мужа, да и все сановники смогут удостовериться в том, кто их настоящий правитель. Вот тогда мы сможем действовать. Всем станет ясно, кто является преступником, и легко будет совершить правосудие.

Выслушав это, Трипитака остался очень доволен и сказал:

— Боюсь только, что Чжу Ба-цзе не захочет идти.

— Вот видите, — с улыбкой сказал Сунь У-кун. — Ведь говорил же я, что вы любите прикрывать слабости других. Почему вы думаете, что он не захочет пойти? Вы сейчас только помолчите некоторое время, точно так же, как это вы делали тогда, когда я звал вас, и все будет в порядке. На этот раз я полностью полагаюсь на свое красноречие и ручаюсь, будь то Чжу Ба-цзе или Чжу Цзю-цзе, я сумею уговорить его.

— Ну что же, ладно. Иди зови его, — согласился Трипитака.

Тогда Сунь У-кун подошел к постели Чжу Ба-цзе и позвал:

— Ба-цзе! Ба-цзе!

Но Чжу Ба-цзе, сильно утомившись за дорогу, громко храпел и даже не думал откликаться. Тут Сунь У-кун одной рукой взял его за ухо, а другой — за волосы и с силой дернул:

— Чжу Ба-цзе!

Однако Дурень продолжал отмахиваться. Наконец Сунь У-кун крикнул еще раз, и только после

этого Дурень пробормотал:

— Брось свои шутки и спи! Ведь завтра снова в путь!

— Да я не шучу! — сказал Сунь У-кун. — У меня дело есть. — Что там еще за дело?

— Ты слышал, о чем говорил принц? — спросил Сунь У-кун.

— Я никого не видел и ничего не слышал, — отвечал Чжу Ба-цзе.

— Так вот, — продолжал Сунь У-кун. — Принц сказал, что волшебник, который живет в их городе, обладает замечательным талисманом. Этот талисман делает его непобедимым. Ведь завтра нам не избежать боя. Обладая таким талисманом, волшебник сможет, конечно, одолеть нас. Поэтому я думаю, что неплохо было бы украсть у него этот талисман.

— Ты что же это подстрекаешь меня, дорогой брат, на разбой? — спросил Чжу Ба-цзе. — Но как верный твой помощник, я считаю необходимым договориться с тобой о следующем: когда талисман мы украдем и усмирим волшебника, то никакой торговли при дележе талисмана, как это делают скряги, я не хочу. Талисман должен быть моим.

— А зачем он тебе?—удивился Сунь У-кун.

— Видишь ли, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Я не такой мастер говорить, как ты, поэтому мне трудно собирать подаяние. Я здоров, силен, только разговор у меня грубый. Читать псалмов я не умею. Вот талисман и пригодится мне, когда я окажусь в затруднительном положении.

— Ладно, я отдам его тебе, — сказал Сунь У-кун. — Мне дорога слава, а не какой-то талисман.

Услышав это, Дурень очень обрадовался, вскочил с постели и, натянув на себя одежду, пошел вместе с Сунь У-куном. Вот уж не зря говорится, что «вино вызывает краску, а золото способно поколебать добродетель». Они тихонько открыли дверь и, покинув Трипитаку, поднялись на облако. Вскоре они очутились у городских ворот и услышали, как на башне пробили вторую стражу.

— Уже вторая стража, брат, — сказал Сунь У-кун.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Сейчас все уже спят, а первый сон — самый крепкий.

Они не пошли к главным воротам, а решили пройти через задние. Вдруг слышались звуки колотушки.

— Ворота крепко охраняются, — сказал Сунь У-кун. — Как же мы проникнем в город?

— Да где же это видано, чтобы воры входили через ворота?— рассмеялся Чжу Ба-цзе. — Надо перемахнуть через стену, и дело с концом.

Сунь У-кун согласился и, подтянувшись, прыгнул. За ним последовал и Чжу Ба-цзе. Очутившись в городе, они пошли разыскивать императорский сад. Вдруг перед ними выросли белые ворота в виде трехъярусной арки. Над воротами, при свете звезд и луны, поблескивала надпись из трех огромных иероглифов: «Императорский сад». Подойдя ближе, Сунь У-кун увидел, что ворота опечатаны в нескольких местах и на них висит замок, уже успевший покрыться ржавчиной. Он приказал Чжу Ба-цзе пустить в ход свою силу. Дурень взмахнул граблями и изо всех сил ударил. Ворота разлетелись в щепы. Сунь У-кун вбежал в сад и, не в силах сдержать охватившие его чувства, стал прыгать и громко кричать. Этим он так напугал Чжу Ба-цзе, что тот подбежал к нему и, схватив за рукав, проговорил:

— Ты что же, брат, хочешь погубить меня! Да слыханное ли дело, чтобы воры так кричали! Ведь если ты всех разбудишь, нас схватят, отправят в суд, а затем приговорят к смертной казни или в лучшем случае вышлют на родину и отдадут в солдаты.

— А знаешь, что меня так взволновало? — спросил Сунь У-кун. — Взгляни-ка сюда!

Роспись стен и легкие перила

Плесень запустения покрыла;

Покосились набок павильоны,

Розы увядают и пионы,

Тиной затянуло пруд глубокий,

На побережьях — заросли осоки.

Потерял жасмин благоуханье,

Засыхает роза без вниманья,

Мальвы средь травы ползучей луга

Только душат и глушат друг друга;

Падают искусственные скалы,

Пересохли прежние каналы

И бамбук и сосны стали ныне,

Как сухой кустарник средь пустыни,

Южный персик, сладкие гранаты

Вывернуты, сломаны, измяты,
Карликовых сосен злополучье:
Оборвали корни им и сучья.
Там, где люди некогда ходили,
Мхи дорожки прежние покрыли,
Дикая трава, полыни клочья
На дорогу перешли с обочин,
Мостиков коснулось разрушенье, —
Сад являл картину запустенья.

— Какой толк от того, что ты будешь вздыхать? — сказал Чжу Ба-цзе. — Давай лучше скорее возьмемся за дело.

Сунь У-кун поборол в себе грусть, охватившую его, и постарался вспомнить все, что говорил ему Трипитака. Итак, колодец должен находиться под банановым деревом. И, действительно, они увидели перед собой банановое дерево с очень пышной листвой, которое резко выделялось среди остальных деревьев.

Одно из прекраснейших, чудных растений,
Постигшее издавна смысл бытия,
Висят на ветвях твоих листья бумагой,
Из листьев свернувшихся — крона твоя.
А ветви твои, как тончайшие сети,
А в сердце краснеется капля румян;
Увянув, боишься осеннего ветра,
Грустишь под дождем полуночным, банан!
Следит за тобою великий Садовник.
Самою Природою ствол твой возвращен.
У листьев банановых есть назначение:
Написан на них весь буддийский канон.
И честь эту листья навек заслужили,

Как феникса перья, они хороши;
Хвост птицы Луань не бывает прекрасней,
С них слабые росы стекают в тиши.
Прозрачная дымка, скользя, окружает,
Их темная тень на дверях, на окне,
Их тень бирюзовая на занавеске,
И в тусклом сиянье она при луне.
На этих деревьях ни лебедь, ни гуси
Не смеют устроить в полете привал.
Так кто б, дерзновенный, к священным деревьям
Коней своих белых в пути привязал?
Придут холода, и деревья увянут;
Но ныне под ними смиряется зной,
Под ними покой от палящего солнца,
Хоть думой они истомились одной:
И персик и слива прекрасней в цветенье!
И вот, отступив от белеющей стены,
Подальше к востоку стоят одиноко
Красавцы бананы, смущенья полны.

— Ну что, примемся за работу? — сказал Сунь У-кун, — Талисман спрятан здесь, под банановым деревом. Дурень обеими руками поднял грабли и одним ударом свалил дерево. Затем он рылом начал рыть землю, вырыл яму в четыре чи глубиной и увидел каменную плиту.

— Дорогой брат! — вскричал обрадованный Дурень. — Вот удача! Талисман здесь, под каменной плитой, но его пока не видно, поэтому я не знаю, в кувшине он или в ящике.

— А ты подними и посмотри, — посоветовал Сунь У-кун. Дурень послушно поддел мордой плиту и приподнял ее. Оттуда исходило радужное сияние.

— Вот повезло! — снова крикнул Чжу Ба-цзе. — Ты посмотри, какое сияние исходит от этого сокровища!

Но, присмотревшись повнимательнее, он так и ахнул. Оказывается, это луна и звезды отражались в воде.

— Дорогой брат, — сказал тогда Чжу Ба-цзе. — Когда берешься за какое-нибудь дело, надо обдумывать его до конца.

— Что же именно следовало обдумать? — спросил Сунь У-кун.

— Ведь колодец очень узкий, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Если бы ты сказал, что талисман находится в колодце, я прихватил бы с собой две веревки, и ты легко спустил бы меня вниз. Но мы пришли с пустыми руками. Как же я спущусь за сокровищем, которое находится там?

— Будешь ты спускаться или нет? — спросил Сунь У-кун.

— Я хотел было, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Но как это сделать без веревки?

— Ничего, раздевайся, — смеясь, сказал Сунь У-кун. — Я помогу.

— Да мне снимать нечего, — сказал Чжу Ба-цзе. — Вот только скину халат, и все.

Тут наш прекрасный Великий Мудрец взял свой посох, потянул его и сказал:

— Удлинись!

Посох тотчас же увеличился до восьми чжан длины.

— Чжу Ба-цзе, — сказал тогда Сунь У-кун, — берись за один конец, я спущу тебя вниз.

— Ладно, — согласился Чжу Ба-цзе, — но как только я достигну воды, остановись.

— Не беспокойся, сам знаю! — отвечал Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе ухватился за посох, Сунь У-кун легонько приподнял его и стал опускать. Вскоре Чжу Ба-цзе достиг воды.

— Вода! — крикнул он.

Услышав это, Сунь У-кун рывком опустил посох вниз. От неожиданности Чжу Ба-цзе выпустил посох из рук и полетел в воду.

— Будь ты проклят! — отфыркиваясь и пуская пузыри, крикнул он. — Ведь просил не спускать меня в воду. А он вот что делает.

Тут Сунь У-кун втащил посох наверх и со смехом спросил:

— Ну что, нашел талисман?

— Какой там, к черту, талисман, — выругался Чжу Ба-цзе, — тут одна вода!

— А талисман как раз и находится под водой, — сказал Сунь У-кун. — Поищи как следует.

Дурень, который чувствовал себя в воде, как рыба, нырнул. Только теперь он понял, как глубокий колодец! Он все погружался и погружался, как вдруг перед его глазами выросла каменная арка с надписью: «Хрустальный дворец».

— Ну, все кончено! — сказал сам себе сильно встревоженный Чжу Ба-цзе. — Видимо, сбился с дороги и очутился у самого моря. Не мог же Хрустальный дворец попасть в колодец!

Чжу Ба-цзе не знал, что Хрустальный дворец принадлежал Царю колодезных драконов. И вот в тот момент, когда Чжу Ба-цзе рассуждал сам с собой по поводу сделанного им открытия, из дворца вышел дозорный якша. Увидев Чжу Ба-цзе, он бросился назад и скрылся за воротами.

— Великий царь! — воскликнул он. — Беда пришла! В колодец спустился какой-то монах с длинной мордой, огромными ушами и совершенно голый. Он еще жив и вопреки всем законам даже разговаривает.

Царь драконов сильно встревожился.

— Это небесный командующий — Тянь-пэн, — сказал он. — Вчера ночью сюда явился посланец с императорским указом. Император приказал духу государя страны Уцзиго повидаться с Танским монахом и попросить Великого Мудреца усмирить волшебника. И сейчас сюда прибыли сам Великий Мудрец, равный небу, и небесный командующий Тянь-пэн. Просите их во дворец, да поживее.

Царь драконов оправил на себе одежду и головной убор и в сопровождении сановников вышел за ворота.

— Прошу вас пожаловать во дворец! — громко провозгласил он.

«А, старый знакомый!» — с удовлетворением подумал Чжу Ба-цзе и, не ожидая дальнейших приглашений, вошел в Хрустальный дворец. Там он без всяких церемоний, как был голый, уселся на почетное место.

— Господин командующий, — обратился к нему Царь драконов, — недавно я услышал о том, что вас вернули к земной жизни, вы приняли буддизм и сопровождаете Танского монаха в его паломничестве за священными книгами. Расскажите же нам, как вы очутились здесь?

— Вот как раз об этом я и хотел с вами поговорить, — сказал Чжу Ба-цзе. — Мой брат по учению, Сунь У-кун, выражает вам свое почтение и велел мне попросить у вас талисман. Какой именно, мне неизвестно.

— Я очень сожалею, но помочь вам не могу, — отвечал царь. — Откуда у нас драгоценности? Ведь не могу же я равняться с царями рек Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ и Цзихэ. Они могут летать и обладают способностью перевоплощения. А я постоянно нахожусь здесь и подолгу даже не вижу солнца и луны.

— Ну, вот что, — сказал Чжу Ба-цзе. — Нечего прибедняться. Выкладывайте все, что у вас есть!

— Спрятана тут у меня одна драгоценность, — сказал Царь драконов. — Но ее не притащишь. Может быть, вы, господин командующий, пойдете посмотрите?

— Ну что ж, чудесно! — обрадовался Чжу Ба-цзе. — С удовольствием посмотрю!

После этого Царь драконов отправился вперед, а Чжу Ба-цзе последовал за ним. Обогнув дворец, они очутились у веранды и под ней увидели труп длиной в шесть чи.

— Вот, господин командующий, это и есть наша драгоценность, — сказал Царь драконов, указывая на труп.

Подойдя ближе, Чжу Ба-цзе так и ахнул от изумления. Перед ним лежал мертвый император. На нем был высокий головной убор, огненно-красная мантия, пояс, усыпанный яшмой, и парадные туфли. Казалось, он спал.

— Ну и сокровище! — рассмеялся Чжу Ба-цзе. — Когда я был духом и жил на горе, то частенько питался такими драгоценностями. Не знаю, сколько я перевидал их на своем веку, а съел еще больше. Да, хороша драгоценность!

— Ничего вы не знаете, господин командующий, — сказал Царь драконов. — Это император страны Уцзиго. После того как он попал к нам в колодец, я дал ему пилюлю, предохраняющую от разложения. Если вы возьмете его с собой, покажете Великому Мудрецу и он вернет императора к жизни, вы получите все, что вашей душе угодно.

— Ради вас я, конечно, могу унести его отсюда, — согласился Чжу Ба-цзе. — Но сколько денег вы дадите мне на его похороны?

— У меня нет денег, — отвечал Царь драконов.

— Зря голову морочите, даром я не понесу его.

— В таком случае можете идти, — сказал Царь драконов. Чжу Ба-цзе так и сделал. А Царь драконов тем временем приказал взять тело государя, вынести его к воротам Хрустального дворца и оставить там. Затем он вынул жемчужину, преграждающую доступ воды: раздался всплеск.

Оглянувшись, Чжу Ба-цзе увидел, что никакого Хрустального дворца нет. Протянул руки и нащупал тело императора. Чжу Ба-цзе обомлел от страха, ринулся вверх и, карабкаясь по стенкам колодца, закричал:

— Дорогой брат! Спусти свой посох, спаси меня!

— Ну что, нашел драгоценность? — спросил его Сунь У-кун.

— Какая там драгоценность! Здесь, оказывается, обитает Царь колодезных драконов. Он хотел заставить меня вынести тело императора, но я наотрез отказался. Тогда он выпроводил меня, а когда я оглянулся, — никакого дворца уже не было. Вместо дворца я увидел труп и чуть не умер от страха. Я совершенно выбился из сил. Дорогой брат, помоги мне!

— Да ведь тело императора и есть тот самый талисман, который нам нужен, — сказал Сунь У-кун. — Почему же ты не принес его?

— Я знаю, что императора давно нет в живых, — сказал Чжу Ба-цзе. — Зачем же было брать его сюда?

— Значит, не хочешь? — сказал Сунь У-кун. — В таком случае я уйду.

— Куда же ты пойдешь? — встревожился Чжу Ба-цзе.

— В монастырь, спать. — равнодушно отвечал Сунь У-кун.

— А как же я один останусь здесь? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Если сумеешь выбраться из колодца, пойдем вместе. Не сумеешь — я пойду один.

Чжу Ба-цзе окончательно растерялся. Он понимал, что из колодца ему не выбраться.

— Ты сам посуди, — сказал он Сунь У-куну, — на городскую стену и то трудно взобраться, как же я могу выбраться из колодца? Этот колодец очень широкий внизу и совсем узкий вверху, с отвесными стенами. Кроме того, отсюда уже несколько лет не брали воды, поэтому колодец

весь порос мхом и стал очень скользким. А ты заставляешь меня карабкаться. Дорогой брат, ради нашей дружбы, обожди меня, так и быть, я сейчас достану тело императора.

— Вот и хорошо, — обрадовался Сунь У-кун. — Доставай скорее, и мы вместе отправимся в монастырь спать. Дурень быстро нырнул и, взвалив тело императора на спину, вылез из воды.

— Дорогой брат, я достал его, достал!

Сунь У-кун внимательно посмотрел вниз и лишь когда убе дился в том, что Чжу Ба-цзе действительно тащит что-то, опустил в колодец свой посох. Рассерженный Дурень раскрыл рот и изо всех сил вцепился зубами в посох. Сунь У-кун без всяких усилий вытащил его наверх. Выбравшись из колодца, Чжу Ба-цзе положил тело императора на землю и оделся.

Между тем, осмотрев труп, Сунь У-кун увидел, что государь ничуть не изменился.

— Взгляни-ка, брат, — сказал он Чжу Ба-цзе. — Этот человек умер три года назад, как же мог он так сохраниться?

— Да ты не знаешь, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Царь драконов дал императору пилюлю, предохраняющую от разложения. Царь сам рассказал мне об этом.

— Нам здорово повезло! — воскликнул Сунь У-кун. — Мы отомстим за смерть императора, и дело наше увенчается успехом. Ну, брат, неси его скорее!

— Куда нести? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Отнесем его учителю, — сказал Сунь У-кун, — пусть посмотрит.

Тут Чжу Ба-цзе не вытерпел.

— Как же я его потащу? На что это похоже? — ворчал он. — Я так сладко спал, и надо же было этой обезьяне подбить меня на такое опасное дело. Мало того, теперь еще я должен нести труп на собственной спине. Он грязный, с него вонючая вода течет. Всю одежду выпачкаешь, а постирать некому. И так она вся в заплатках. А погода пасмурная, как я надену ее, если эти заплатки отсыреют?

— Ничего, ничего! Ты неси, — успокаивал его Сунь У-кун. — А когда придем в монастырь, я дам тебе другую одежду.

— Да замолчи ты! — возмутился Чжу Ба-цзе. — Тебе самому надеть нечего, а еще мне обещаешь!

— Ну что ты разболтался? — начал сердиться Сунь У-кун.

— Не понесу! — упорствовал Чжу Ба-цзе.

— Тогда протягивай свои лапы, — сказал Сунь У-кун, — я всыплю тебе двадцать ударов посохом!

— Дорогой брат! — испуганно воскликнул Чжу Ба-цзе. — Да твой посох так тяжел, что после двадцати ударов я стану таким, как император.

— Ну, тогда тащи его! — крикнул Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе ничего не оставалось, как взвалить труп на спину.

Между тем Великий Мудрец произнес заклинание и дунул на землю. В тот же миг бешеный ветер подхватил Чжу Ба-цзе, вынес его из сада, а затем из города, и тут же прекратился. Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе благополучно спустились вниз и пошли к монастырю.

Надо вам сказать, что Чжу Ба-цзе очень рассердился на Сунь У-куна и решил во что бы то ни стало отомстить ему.

«Эта обезьяна просто издевается надо мной, — думал он — Погоди, придем в монастырь, я тоже сыграю с тобой шутку. Вот скажу учителю, что ты можешь оживить императора. Попробуй не сделать этого, он тут же произнесет заклинание, и обруч на твоей голове сожмется. Я не успокоюсь до тех пор, пока у этой обезьяны мозги не выскочат. Нет, так, пожалуй, ничего не выйдет, — раздумывал он. — Оживить мертвеца — для него сущие пустяки. Он отправится в подземное царство к владыке Янь-вану, попросит у него душу императора — и все. Надо сделать так, чтобы он не смог отправиться в царство смерти. Пусть оживит императора здесь».

В это время они как раз подошли к монастырю и, войдя в ворота, положили труп у дверей храма.

— Учитель, — позвали они. — Вставайте, посмотрите, что мы принесли.

Но Танский монах еще не ложился спать. Он беседовал с Ша-сэном, выражая ему свое беспокойство по поводу того, что Сунь У-кун увел Чжу Ба-цзе и до сих пор они не возвращаются. Как раз в этот момент его позвали.

— Ученики мои, что случилось? — откликнулся он, поспешно поднявшись.

— Да вот заставили меня нести на себе деда Сунь У-куна, — сказал Чжу Ба-цзе.

— Дурень ты несчастный, — крикнул Сунь У-кун. — О каком деде ты говоришь?!

— Если он тебе не дед, почему ты заставил меня нести его? Сколько сил я потратил!

Танский монах открыл двери и вместе с Ша-сэном вышел наружу. Перед ними, бездыханный, лежал император. Он казался живым. Трипитака опечалился.

— Ваше величество, — сказал он. — В каком перерождении вы нажили себе врага? Он погубил вас, разлучил с женой и сыном и сделал так, что никто из ваших многочисленных сановников не узнал об этом. Даже ваша несчастная супруга находилась в неведении. Никто не возжигал благовоний, не совершал жертвоприношений. — Сказав это, Трипитака горько заплакал.

— Да что вы, учитель, — произнес улыбаясь Чжу Ба-цзе. — Какое вам дело до этого императора? Ведь он даже не родственник вам. Стоит ли его оплакивать?

— Ученик мой! — отвечал на это Трипитака. — Сострадание, милосердие и добрые дела — вот что главное для монаха. Удивительно! Как можешь ты быть столь черствым и бессердечным?

— Я вовсе не бессердечен, — возразил Чжу Ба-цзе. — Мой брат сказал, что может вернуть императору жизнь, поэтому я и притащил его сюда. Иначе я не стал бы этого делать.

Надо вам напомнить, что Трипитака был человеком доверчивым.

— Сунь У-кун, — сказал он, — если ты действительно можешь вернуть к жизни императора, сделай это. Ведь «спасти жизнь человеку, это гораздо больше, нежели построить Будде семярусную пагоду». А для нас это даже важнее, чем побывать на Священной горе и поклониться Будде.

— Да что вы, учитель, верите болтовне этого Дурня? — возмутился Сунь У-кун. — Если бы после его смерти прошло три седмицы, пять седмиц или даже семьсот дней, и он бы полностью понес возмездие за грехи, содеянные им при жизни, тогда еще можно было бы возвратить его к жизни. Но ведь после его смерти прошло уже три года!

— Ну что же, пусть будет по-твоему, — согласился Трипитака.

Но Чжу Ба-цзе не унимался.

— Учитель, — сказал он. — Не поддавайтесь обману. Вы можете заставить его слушаться вас. Стоит вам прочесть заклинание, и Сунь У-кун вернет жизнь этому человеку.

Трипитака послушался совета Чжу Ба-цзе и произнес заклинание. У бедной обезьяны от боли глаза выкатились из орбит.

О том, удалось ли Сунь У-куну вернуть жизнь императору, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287361>